

ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ

Шоу для
богатых

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТУРЕЦКОГО

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Шоу для богатых

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Шоу для богатых / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

В Измайловском парке убит тренер-контрактник по рукопашному бою Стас Крупенин. Этим делом впору бы заняться убойному отделу МУРа, однако оно переходит в разряд грабежей (на тот момент в Измайлово орудовала банда грабителей) и родители Стаса вынуждены обратиться в агентство «Глория». В это же время, параллельно расследованию убийства Крупенина, Турецкий и Плетнев ведут негромкое дело по факту кражи опытного экземпляра препарата «Клюква», похищенного из хранилища лаборатории, которую создал друг Турецкого – Шумилов. И все это разворачивается на фоне семейных неурядиц и прочих страстей супружеской четы Турецких.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Фридрих Евсеевич Незнанский

Шоу для богатых

Часть первая

Глава 1

Маленькие дети – маленькие заботы, а взрослые дети...

Ирина Генриховна слушала сидевшего перед ней мужчину, а в голове то вспыхивала, то затухала древняя как мир истина – взрослые дети – большие заботы. А вместе с родительскими заботами повзрослевших детей почти над каждой семьей нависает то, что в искусстве называется кризисом жанра. То ли муженек начинает пялиться налево, в стремлении найти ту единственную, которая могла бы «осчастливить» его на всю оставшуюся жизнь, то ли охреневшая от кастрюль и семейных хлопот женушка теряет вдруг сон от одной только мысли, что ей уже сорок, скоро внуки пойдут, а жизни как таковой она еще не видела и вряд ли увидит с похрапывающим на левом боку муженьком, и если в ее судьбе, причем в ближайшее время, не произойдет что-то кардинально-счастливое, то она так и состарится все на той же проклятой кухне, под запах борща, среди кастрюль и грязной посуды. А еще бывает...

«Господи, да чего ж это я?» – вдруг пронеслось в сознании Ирины Генриховны и она, слегка помассировав кончиками пальцев виски, вдруг поймала себя на том, что занята своими собственными мыслями и уже не слышит, о чем говорит мужчина. Вернее, слышать-то она слышит, да только смысл слов не доходит до ее сознания.

Все ее муки видимо были написаны на ее лице, и мужчина, по-своему оценив ее состояние, спросил участливо:

– Простите, у вас что... голова болит?

– Что... голова? – Ирина Генриховна сморгнула и вроде бы как даже попыталась улыбнуться виноватой улыбкой. – Да, немного. Но прошу вас, не обращайтесь внимания, пройдет.

– Пройти-то она пройдет, – согласился с ней мужчина, – но и мне бы не хотелось казаться навязчивым. Может, мне в другой раз подъехать.

– О чем вы! – искренне возмутилась Ирина Генриховна, уже начиная злиться и на себя, и на Турецкого, который вдруг завернул такой фортель, что ни встать, ни охнуть, да и вообще на всю жизнь в целом. Она бросила мимолетный взгляд на визитную карточку рекомендованного им клиента и уже более напористо, на правах хозяйки «Глории», произнесла: – Не обращайтесь внимания, прошу вас. А что касается вашего сына...

Пытаясь собраться с мыслями и сфокусировать в своем сознании все то, что только что рассказал Кру-пенин, отец пропавшего Стаса Крупенина, она вновь с силой растерла кончиками пальцев виски, откинулась на спинку кресла и задала вопрос, который с самого начала вертелся у нее на языке.

– Скажите, Игорь Терентьевич, а почему вы не обратились в милицию, когда окончательно уверовали в то, что ваш сын пропал? Ведь это их прямая обязанность – искать человека, да и возможностей у милиции гораздо больше, чем в нашем агентстве.

Довольно мощный в плечах и явно уверенный в себе в привычной ему обстановке, Кру-пенин вдруг замешкался и как-то исподлобья покосился на сидевшую перед ним красивую женщину. Было видно, как на его шее дрогнула какая-то жилка, и можно было догадаться, что этот вопрос ему неприятен.

– Спрашиваете, почему в милицию заявление не отнес? – угрюмо произнес он. – Да очень просто. Не хотелось раньше времени Стаса подставлять?

– Даже так? – удивилась Ирина Генриховна. – А у него что... проблемы были с милицией?

Крупенин обреченно вздохнул, будто должен был признать прилюдно что-то постыдно-протвоестественное, и утвердительно кивнул головой, прочно сидевшей на столь же мощной, как и плечи, шее.

– Были.

– И что за проблемы?

Крупенин нахмурился. Чувствовалось, что конфликт сына с милицией – его головная боль, и ему не очень-то приятно ковыряться в этой теме. Тем более, что конфликт этот не имеет никакого отношения к тому вопросу, с которым он, по рекомендации человека, который хорошо знал Александра Борисовича Турецкого, обратился в это агентство.

– Это что, обязательно надо знать?

– Хотелось бы.

– Но зачем? – искренне удивился Крупенин. – Сын пропал неделю назад. И если бы он сделал что-либо противоправное, во что я, честно говоря, просто не верю, и если бы он снова угодил в милицию, то мне бы об этом уже давно сообщили. А так...

На его лице застыла гримаса искреннего непонимания и он развел руками.

Ирина Генриховна усмехнулась. Она прекрасно понимала внутреннее состояние этого сильного, на первый взгляд, пятидесятилетнего мужика, который пришел в сыскное агентство с просьбой найти следы пропавшего сына, а вместо конкретной работы... Сначала красивая сорокалетняя женщина, которая, видимо, не вязалась в его сознании с образом крутого московского детектива, вдобавок ко всему ее головная боль и кислое, как суточные щи, выражение лица, а теперь еще и неприятные ему вопросы по сыну, которые менее всего будут работать на процесс его поиска. Конечно, можно было бы и осадить сейчас этого плечистого блондина, повести себя более жестко, но...

– Вы хотите, чтобы мы нашли вашего Стаса? – вопросом на вопрос ответила она.

Крупенин даже не счел нужным отвечать и только плотнее сцепил покрасневшие пальцы.

– Естественно, хотите. А посему мне надо знать буквально все, что касается вашего сына. Понимаете, все! И в частности, что за проблемы у него были с милицией.

Помолчала и добавила:

– Поймите, без этого вы только усложните нам поиск вашего Стаса. А это – время, которое, как вы догадываетесь, играет против нас всех.

Крупенин поднял голову – в его глазах плескалась невысказанная боль сильного человека.

– Да, конечно. Я как-то поначалу...

Он замолчал, видимо, собираясь с мыслями, с силой растер аккуратно подстриженные виски, и вновь на его шею дернулась жилка.

– Стас, а случилось это вскоре после того, как он вернулся с армии, и уже сдавал экзамены в институт... В общем, после очередного экзамена, когда он с ребятами зашел в кафе, на них накатились какие-то отморозки, кто-то из них даже вытащил нож, и вот тогда-то мой Стас, видимо, не рассчитав своих сил и способностей, довольно сильно поломал их. И даже в милицию сдал, когда приехала машина. Казалось бы, на этом можно было и точку поставить, однако тот, который был с ножом, несколько дней спустя написал встречное заявление, и дознаватель так повернул дело, что козлом отпущения стал мой Стас.

По лицу Крупенина пробежала тень и он еще сильнее сжал пальцы.

– В общем, на Стаса повесили все, что только можно было повесить, а я в тот момент как раз в командировке был, в Испании. А когда приехал... Короче говоря, если бы не отку-

пились зеленым, то вместо института, греметь бы моему Стасу под фанфары на пять лет общего режима.

– Что, адвокаты сошлись на условном сроке? – догадалась Ирина Генриховна.

– Да, два года условного.

– И что, еще не закончился?

– Отчего же, не закончился? Уже год почти как закончился, – шевельнул плечами Крупенин, – да только... – Он замолчал и чуть погодя добавил: – В общем, мне бы не хотелось и Стаса лишний раз подводить под удар, да и самому общаться с нашим участковым. Он и без того мне все печенки проел, когда вся эта возня мышинная крутилась вокруг денег. Кому сколько дать, да кого не обидеть.

Ирина Генриховна участливо кивнула головой. Толмач для этого рассказа не требовался. Послеель-циновская Россия, окончательно вставшая на путь «демократии», все больше и больше скатывалась до уровня «правового» государства. Кто больше даст, тот и прав. Недавно ведь в судейском корпусе бродит анекдот, который был бы пожалуй очень смешон, если бы не был столь паскудно-грустным.

Начинающий судья советуется с более опытным коллегой. «Как быть, если одна сторона дала сто тысяч, а от второго „гонорара“ – в сто десять тысяч – уже не было сил отказаться?» На что тут же получает поистине гениальный ответ: «Срочно вернуть второму соискателю десять тысяч и уже после этого судить по справедливости».

Судя по всему, Игорь Терентьевич Крупенин вложил в конверт вдвое меньше той суммы, что выложила «обиженная» сторона, и как итог – два года условно оборонявшемуся парню, вместо пяти лет строгого режима тому козлу, который достал из кармана нож.

Казалось бы, все ясно и понятно, и все-таки Ирина Генриховна не могла не спросить:

– А как могло случиться, что ваш сын умудрился поломать того, с ножом?

– Да очень даже просто, – как о чем-то само собой разумеющимся, произнес Крупенин. – Господь Бог силушкой нашу породу и без того не обидел, так что постоять за себя всегда могли, ну а Стас вдобавок ко всему еще со школы восточными единоборствами увлекаться стал, затем рукопашным боем, и даже от армии не стал отлынивать, чтобы только в десантные войска попасть.

– В ВДВ служил?

– Нет, в морской пехоте. На Балтике.

– А чем стал заниматься после армии?

– Так я же вам говорю, в институте учится, – с ноткой раздражения в голосе ответил Крупенин, явно не понимая, к чему задавать все эти, никому ненужные, совершенно бесполезные на данный момент вопросы, в то время как его сын пропал.

– На дневном? – все-таки уточнила Ирина Генриховна.

– Естественно!

Теперь он уже не скрывал своего раздражения, видимо, сожалея в душе о том, что послушался совета своего товарища, который рекомендовал ему «Глорию» как одно из лучших агентств Москвы, в котором сыск ведут не прожженные хапуги из среды следователей-неудачников и бывших ментов, а профессионалы своего дела.

«Профессионалы, мать твою!... – читалось в его глазах. – С накрашенными губами, с изысканным маникюром и в брючном костюме от Кардена».

«Идиот самонадеянный!» – мысленно прошлась по нему Ирина Генриховна, также пожалев о том, что согласилась помочь несчастному отцу, который уже не знал, куда и к кому обратиться со своей бедой, и уж хотела было заявить, что по вопросу пропажи людей надо все-таки обращаться с заявлением в милицию по месту проживания, а не в частные агентства, однако что-то сдержало ее от этого шага, и она, стараясь оставаться максимально спокойной, спросила:

– Вы действительно хотите, чтобы мы занялись исчезновением вашего сына?

Интонация, с которой были произнесены эти слова, видимо, не соответствовала тому образу «красивой бабенки в брючном костюме от Кардена», который уже вылепил для себя Крупенин. Он негромко откашлялся и столь же негромко произнес:

– Для того и пришел к вам. – Снова откашлялся, будто у него першило в горле, и добавил: – Простите, ради Бога. Издергался за эти дни, порой сам не знаю, что говорю.

– Ладно, чего уж там, – улыбнулась Ирина Ген-риховна. – Кому еще, как не матери, понять вас? У самой дочь школу заканчивает, и когда задерживается где-нибудь... В общем, малые дети – малые заботы, а когда подрастают, только руки подставляй.

– Это уж точно, – согласился с ней Крупенин, и было видно, что та пружина, которая все время держала его в сжатом состоянии, понемногу отпускает этого сильного мужика, и с ним уже можно, вроде бы, начинать работать.

– В таком случае, я могу вам задавать ТЕ вопросы, которые посчитаю нужными?

– Господи! – взмахнул руками Крупенин. – Да о чем вы говорите! Естественно!

– Хорошо, спасибо, – хмыкнула она. – В таком случае, может быть несколько неприятный для вас лично вопрос.

– Да? – насторожился он.

– Стас живет с вами или с матерью? Глаза Крупенина удивленно округлились.

– А почему, собственно, вы думаете, что...

– Да как вам сказать... – пожала она плечами. – Что-то подсказывает мне, что вы давно уже живете отдельно. Я имею в виду мать вашего сына.

– М-да, – буркнул Крупенин, – мы действительно в разводе. Уже семь лет. Но это... это ни о чем не говорит, хотя Стас и остался жить с матерью.

Замешкался было на секунду-другую, словно раздумывал, стоит ли посвящать всех и вся в секреты неудавшейся семейной жизни, однако не выдержал и уже совершенно иным тоном добавил:

– И должен вам сказать, что у меня с сыном сложились прекрасные отношения. По крайней мере, он не осуждает меня, что я ушел из дома.

«Ну, это тебе, положим, только так кажется, голубчик», – хмыкнула про себя Ирина Ген-риховна, однако вслух произнесла:

– И в трудные минуты, когда что-то не ладится с сыном, ваша жена обращается к вам?

Она специально не сказала «бывшая жена», хотя и это вертелось у нее на языке. И еще подумала, что он сейчас обязательно должен произнести слово «естественно», иначе психологический срез этого человека окажется незаконченным. И не ошиблась в своем предположении.

– Естественно, – утвердительно кивнул Крупенин. – Причем, не только в трудные минуты. Я... я никогда не отказывался помогать семье, хотя моя жена оказалась довольно самостоятельной женщиной.

«И то ладно», – вздохнула Ирина Генриховна, думая в то же время о своем Турецком. Как правило, сильные мужья и мужики не прощают излишнюю самостоятельность своим женам, и неизвестно, как еще сложится в дальнейшем их семейная жизнь. Сила и слабость – ягоды одного поля, точно так же, как любовь, ревность и ненависть. Поначалу любит, потом вдруг начинает ревновать, а потом... А потом на нервной почве начинаются проблемы и с потенцией, что окончательно добивает некогда сильного и уверенного в себе мужика. Да еще к тому же люди такого типа никогда не расскажут о своих проблемах, не спросят совета у жены или друга, не пойдут к врачу и уж тем более не смогут в аптеке попросить какой-нибудь «неприличный» препарат. Невольно Ирина вспомнила свой разговор с Сашей, случившийся пару лет назад. Был какой-то невероятно теплый и солнечный май, все вокруг пело о любви, да и у нее в голове постоянно крутились мысли «об этом»... Однако Турецкий, наоборот, был непривычно мра-

чен, озлоблен, да и что греха таить, пил гораздо больше своей нормы. Когда Ирина подсчитала, что с момента их последней близости прошел уже месяц, она решила поговорить с мужем, тем более и вечер был подходящий – в бутылке любимого коньяка оставалось гораздо меньше половины, и Саша, рассказывая ей о прошедшем дне, даже пару раз криво улыбнулся.

– Турецкий, в чем дело, – резко перебила его Ира, – что с тобой происходит? Ты мной не интересуешься уже месяц, ну ты понимаешь, о чем я говорю!

От неожиданности «важняк» растерялся.

– Ира, ну что ты говоришь, я очень тебя люблю, но понимаешь. Я ведь уже не тот пацан, который был готов в любой момент. Работа такая. Я вот тут с ребятами разговаривал, у всех такие же проблемы.

– Мне наплевать на всех! – и тут Ирину осенило, – упаковка с огоньком!

Она вспомнила, как пару месяцев назад разговаривала со своей одноклассницей Татьяной, у мужа которой одно время вообще ничего не получалось. Татьяна плакалась, что Славка жутко психует, постоянно срывается, да и вообще они разводиться собираются. Ирина уже стала присматривать подруге нового жениха, и тут Татьяна спустя какое-то время огорошила, мол, они со Славкой только что в Турции отдыхали, провели второй медовый месяц. А все благодаря левитре. Это уникальный препарат, захлебывалась от восторга счастливая Танюшка, надежный. Действует сразу, да с таким эффектом, что, мол, Славка и в молодости такого не вытворял, тараторила радостным голосом подруга. Еще и с алкоголем совместим, что на отдыхе ну просто необходимо. А купить его в аптеке вообще элементарно: спросить упаковку с огоньком.

Все это Ирина, смущаясь, рассказала оторопелому Турецкому. Он сначала отнекивался, но пару дней спустя Ирина увидела приметную коробочку в сумке у любимого. Да-а-а, вот уж действительно, такого огня у них не бывало давно.

От воспоминаний Ирина даже раскраснелась и поспешила скинуть ненужные сейчас мысли. В общем-то, с этим клиентом все было понятно, и пора было завершать разговор.

– Ну так что, вы еще не раздумали поручать нам это дело? Или все-таки оставите в милиции заявление?

При слове «милиция», которое, видимо, у него ассоциировалось со словами «участковый», «адвокат», «суд» и «судья», зрачки Крупенина потемнели и он хрипло произнес:

– Я, кажется, уже извинился перед вами, так что не будем возвращаться к прошлому.

– Хорошо, – согласилась с ним Ирина Генри-ховна, – не будем, так не будем. Но в таком случае...

– Да, но ведь я еще ничего не рассказал вам о сыне, – вскинулся Крупенин. – А вы сами только что сказали, что вам необходимо знать буквально все, что касается моего Стаса. Или... или вам уже...

Теперь уже в его голосе звучали нотки откровенной растерянности, непонимания и обиды. Он, мол, уже готов раскрыться, а его в этот момент «фэйсом» о «тэйбл». Нехорошо как-то получается.

«Нехорошо, – согласилась с ним Ирина Генри-ховна, – однако не только тебе, служивый, время дорого, но и нам, грешным. А посему...»

– Прошу вас, не обижайтесь, ради Бога, и поймите меня правильно. Я сама мать уже взрослой дочери и могу вас заверить, что лучше меня никто не знает всех тех проблем, в которые она сейчас окунулась. И поэтому нашим сотрудникам будет необходимо переговорить сначала с матерью Стаса и уже после этого, если, конечно, появится необходимость, еще раз встретиться с вами.

Все-таки он был умным человеком и кажется понял ее.

– Да, конечно, – согласился Крупенин. – Признаться, я не подумал об этом. – И тут же: – Вам, видимо, потребуется телефон жены?

– Обязательно. Кстати, она в курсе того, что вы решили обратиться в наше агентство?

– Пока что нет, – замялся Крупенин, – но... но я прямо сейчас могу позвонить ей. Тем более, что она буквально умоляла меня предпринять что-нибудь для поиска Стаса.

«А сам-то ты, голубчик, так бы и не додумался до этого», – с нарастающей неприязнью не столько к данному посетителю, сколько к мужьям-дуракам вообще подумала Ирина Генриховна, и снова вынуждена была скрыть свои чувства.

– Спасибо. Думаю, будет лучше, если я сама позвоню вашей жене. Все-таки две женщины, две матери...

– Да, конечно, – согласился с ней Крупенин и чувствовалось, он рад тому, что ему уже не надо объясняться со своей бывшей женой.

«Все мужики – козлы!» – почему-то вдруг всплыла в памяти давным-давно увиденная надпись на заборе, и она потянулась за шариковой ручкой, готовая записывать все телефоны несчастной женщины, у которой пропал сын и которая в силу материальных обстоятельств вынуждена обращаться за помощью к такому вот...

М-да, точнее, пожалуй, не скажешь.

Когда Крупенин ушел, учтиво распрощавшись с обворожительной женщиной уже «пост-бальзаковского» возраста, которая неизвестно что делала в профессиональном сыскном агентстве, по крайней мере, только этот вопрос и можно было прочесть в его глазах, Ирина Генриховна потянулась к телефонной трубке и набрала номер служебного телефона Крупениной, который отыскал в своей записной книжке ее бывший муженек. Трубку подняли сразу же после первого сигнала, словно убитая горем, несчастная женщина все это время сидела у телефона, надеясь, что, наконец-то, прозвонится подгулявший сынок. Ирина Генриховна, прекрасно понимая состояние матери Стаса, деликатно представилась и тут же спросила, когда можно будет встретиться, чтобы более конкретно поговорить о сыне.

– Да хоть сейчас прямо! – спохватилась Крупенина. – Я могла бы в любой момент подъехать к вам.

Рассказывая о своей бывшей жене, как о матери Стаса, Крупенин упомянул, что она работает экономистом в какой-то фирме, и поэтому не очень-то располагает свободным временем, однако по тому, КАК она откликнулась на звонок из «Глории», можно было догадаться, что ее начальство в курсе случившегося и готово пойти ей навстречу.

– А мы могли бы подъехать к вам домой? – предложила Ирина Генриховна. И почувствовав замешательство Крупениной, пояснила: – Конечно, можно было бы встретиться и в агентстве, но... понимаете, нам хотелось как можно больше узнать, чем жил и дышал ваш сын в последнее время. А этого, как сами понимаете, в официальной обстановке не достигнуть. К тому же нам нужны будут его фотографии и, возможно, даже записные книжки.

– Да, конечно, я все понимаю, – неожиданно всхлипнула Крупенина. – Конечно же дома лучше. Да и альбом с фотографиями с собой не потащишь. Но... но когда?

Ирина Генриховна посмотрела на часы – без двадцати одиннадцать, да и ребята, кажется, все на местах.

– Вы смогли бы освободиться к двум часам? – спросила она и затаилась внутренне, ожидая, что вновь услышит крупенинское «естественно», и вздохнула облегченно, услышав в телефонной трубке простенькое «да, конечно».

– В таком случае, договорились. В два у вас дома. Диктуйте адрес.

Записав адрес Крупениных, Ирина Генриховна опустила трубку на рычажки и устало откинулась на спинку рабочего полукресла. Закрывает глаза. Вроде бы процесс пошел, как любил говорить ее Турецкий, однако теперь надо было решать, с кем конкретно ехать на разговор к Крупениной и, соответственно, кому поручать это дело. Вроде бы из всех мужиков более всего свободен сейчас Плетнев и логично было бы, чтобы он начал раскручивать ближайшее окружение пропавшего парня, но...

И опять это проклятое «но».

Если она поедет сейчас с Антоном на встречу с Крупениной, то этого «фортеля» не поймет ее Турецкий, у которого, кажется, окончательно поехала крыша от ревности, и он уже воспринимает Плетнева, как ее любовника.

«Господи милостивый! – схватила она за голову. – До чего же все мужики козлы!»

И тут же осадила себя. А может... может сама виновата в том, что творится сейчас в душе Турецкого?

Если после авторитетной медицинской комиссии, признавшей его негодным для той работы, которой все эти годы он занимался в Генеральной прокуратуре, еще оставалась «Глория», которую он вынынчивал собственными руками, то теперь, после того удара в спину, который он получил от собственной жены и Антона Плетнева... А ведь последнему он не только вернул сына, оказавшегося в детдоме, но и взял того же Плетнева на работу в «Глорию».

Вот уж правду говорят: «Всякое доброе дело тебе же, дураку, и откликнется слезками».

Откликнулось. И теперь казалось, что и жизнь кончается, да и жить больше незачем. Правда, оставалась еще дочь, Нина. Она беззаветно любила отца и никогда не пошла бы на такое предательство, на которое решилась Ирина, но и она, взрослея, все дальше и дальше отходила от надежного отцовского плеча, захлестываемая своими собственными заботами. Последний школьный звонок, экзамены в юридическую академию и вроде бы первая любовь.

Жизнь кончалась. Все то, чему он, «важнюк» Турецкий, отдал свои лучшие годы, уходило в прошлое. Теперь уже ему звонили только за тем, чтобы справиться о здоровье да вежливо посочувствовать, и он даже жалел порой, что врачи в буквальном смысле слова вытащили его с того света, не позволив ему уйти в мир иной. Впрочем, все это можно было бы и пережить без особой боли в сердце, если бы у него оставались надежные тылы, но Ирина. его Ирка. Видимо, правы были древние римляне, утверждая, что рабу и жене никогда нельзя доверяться полностью – изменят, а то и клинок засадят промеж лопаток.

Жизнь теряла смысл, да и голова, будь она проклята, раскалывалась по утрам. То ли давало о себе знать пониженное атмосферное давление, о котором предупреждали в утренних «новостях» по телевизору, то ли он сам окончательно скисать стал, насилуя свой мозг попытками осознать и понять наконец-то, что же такое произошло с ним на самом деле, что он стал никому не нужен.

Турецкий, помассировав виски, поднялся с кресла, из которого тупо пялился в экран телевизора, подошел к бару и застыл в раздумье. То ли достать из зеркального нутра уже початую бутылку армянского коньяка, то ли.

Думая о том отчуждении, которое произошло с Ириной, он уже винил не только Плетнева, который был лет на пятнадцать младше его самого, но и себя любимого, и как это не прискорбно свою затухающую потенцию. Правда, для возрождения мужской силы тот же телевизор предлагал целый ряд каких-то препаратов, но он не доверял той рекламе, которой ушлые деятели забивали эфир, и решил позвонить своему давнишнему другу Димке Шумилову, который мог понять его не только как мужчина, в свои пятьдесят женившийся на прелестной блондинке моложе его лет на двадцать пять, но и как ученый, знаковое лицо в фармацевтической промышленности. Спросил его напрямую, без недоговоренностей и экивоков, да и Шумилов не стал вилять хвостом. «Что, спрашиваешь, посоветовать? Да то самое, что сам принимаю – левитру. Говорю тебе как врач, это быстрое и надежное решение проблемы эректильной дисфункции. А от себя лично могу добавить, что средство действительно высокоэффективное, причем потенцию восстанавливает не зависимо от возраста, причины и тяжести заболевания. Да и начало действия наступает довольно быстро: в течение десяти-двадцати минут после приема, что естественно очень важно для гармоничных отношений в постели. Длительность эффекта: от восьми до двенадцати часов. Так что беги в ближайшую аптеку – и будешь благодарить меня. Тем более, что отпускается без рецепта, хотя препарат этот – рецептурный».

И ведь прав оказался Шумилов. Упаковка с огоньком сделала свое дело, почувствовал себя конем-жеребцом, правда этот препарат так и не уберег от разрыва с Ириной, хотя казалось бы...

Остановив свой выбор на коньяке, он наполнил янтарной жидкостью небольшую хрустальную рюмку и крохотными глоточками выцедил коньяк. В груди разлилась, наполняя каждую клеточку, почти царская комфортная теплота и он закрыл глаза, стараясь переключиться на повседневную жизнь. Хотя чего о ней думать, о жизни, когда и без того все понятно. Ту записку, которую его Ирине написал сынишка Плетнева и которая совершенно случайно попал ему, дураку и рогоносцу, в руки, он помнил дословно:

«Привет, Ира, как ты? У меня все хорошо, только кормят здесь отвратительно. Очень скучаю по тебе и папе. Ты позаботься о нем, а то он наделает глупостей без моего присмотра. Ты же знаешь, мы с папой тебя очень любим. Целую, Вася. Скажи папе, что бегать по лесу с препятствиями три раза в день – это издевательство. Не заберет меня – сбегу».

Вот так-то, ни больше – ни меньше. Чего бы ради девятилетнему плетневскому сыну Ваське просить чужую, замужнюю женщину позаботиться о его отце, напоминая ей при этом о том, что они оба ее очень любят?

И с чего бы вдруг столь пылкая любовь к совершенно чужой, замужней женщине?

«А может быть и не чужой уже? – сам себя распалял Турецкий. – Может, это он стал для Ирины чужим? А Плетнев с сыном.»

Когда был сильным и при деле, нужен был всем, в том числе и ей. Но как только жизнь скрутила его в бараний рог, и он остался без престижной должности в Генеральной прокуратуре, и все покатилося под уклон? Похоже.

Вот и не верь после этого древним мудрецам, поумнее нынешних философов были.

Проклятое воображение, будто испытывая бывшего «важняка», подкидывало в его сознание самые разные картинки, от которых могла и крыша поехать, Турецкий вновь наполнил коньяком хрустальную рюмку, однако пить не стал, понимая, что добром это не кончится. И чтобы хоть как-то отогнать проклятые видения, негромко выругался и почти силой заставил себя вернуться в события трехдневной давности, когда он и Ирина были приглашены на день рождения Игната, его крестника, и отец Игната, Дмитрий Шумилов, знаковое лицо в фармацевтической промышленности, его давнишний друг, умница и большой ученый, закатил банкет в своем загородном доме. Вернувшись с банкета домой, они рассорились окончательно, а до этого.

Уже поздним вечером, когда гости устали от тостов и прочей хренотени, Шумилов пригласил его на балкон и прикрыв дверь в гостинную как-то очень грустно произнес:

– Саша, мне нужна твоя помощь.

– Я уже догадался.

Он уже настроился было на конкретику, как вдруг Шумилова понесло:

– Ты только пойми меня правильно, Саша. Я семь лет строил свою компанию. Сначала надо мной смеялись, мол, фармацевтика, да еще в нашей стране... А сейчас, когда я привлек лучшие умы, когда в каждой аптечке по два-три моих препарата, когда. В общем, на любой международной ярмарке, на любом симпозиуме мне предлагают продать буквально любую разработку, причем на любой стадии, а я говорю – нет.

Он хорошо помнил, как Шумилов покосился на него вопросительным взглядом, будто пытался удостовериться в доходчивости своих слов, и уже тоном ниже произнес:

– Сейчас я разрабатываю иммуномодельатор. антивирусный препарат нового поколения. И я. я назвал его «Клюква». Мне песенка тогда привязалась из шестидесятых. «и теперь по количеству клюквы не обгонит Америка нас». Короче говоря, производство стоило колоссальных затрат, и уже через два месяца выставка во Франкфурте...

Говорить об этом надо было бы с радостью, однако слова Шумилова были наполнены болью, и Саша не выдержал, спросил:

– Что, украли?

Лицо Шумилова передернула нервная судорога.

– Вчера пытались в лаборатории из хранилища. Диски с технологической картой и опытный образец.

– Милицию вызывали?

– Не хочу огласки. Тем более, что... Шумилов замолчал и снова его лицо поддернулось нервным тиком.

– Ты подозреваешь кого-то из своих... А твоя служба безопасности?... Она хоть что-нибудь делает?

– Делает, – кривой, вымученной ухмылкой усмехнулся Шумилов. – А тот, кто набрал этих уродов, стоит рядом с твоей женой и коньяк пьет.

– Глеб?

– Да. Он мой вице-президент. Я хотел, чтобы это был семейный бизнес, уже обжегся с партнерами со стороны. Теперь вся надежда на Игната... хочу, чтобы была преемственность в этом деле. Я его в Сорбонну отправляю, на химический факультет.

Он явно уходил в сторону, однако тут же поправился:

– Ну так что, Саша, поможешь?

Припоминая ту тоску в голосе и надежду, с которой был задан этот вопрос, Турецкий вздохнул и поднес наполненную рюмку ко рту. Что он мог сказать ему на тот момент? Только то, что сказал:

«Я могу порекомендовать тебе одного человека... профессионала. Антон Плетнев. А чтобы в глаза особо не бросалось... Рекомендовал бы тебе оформить его новым начальником службы безопасности, причем с широкими полномочиями.

Вспомнив о Плетневе, Турецкий вновь потянулся за бутылкой, и когда наполнял рюмку, вдруг заметил, как дрогнула его рука. И невольно застонал, поддаваясь собственному бессилию. Оно бы поговорить сейчас с Плетневым, начистоту поговорить, по-мужски, а он...

Тряпка, тряпка и еще раз – тряпка!

Глава 2

Крупенины жили в стандартной девятиэтажке на Профсоюзной улице, в двухкомнатной квартире, в которую они, видимо, въехали еще до той поры, когда в лексиконе Крупенина-отца закрепилось словечко «естественно», и даже на первый прикид можно было с уверенностью сказать, что они являлись привычно-стандартной московской семьей с достатком чуток выше среднего.

Большую комнату, которую украшала вполне современная «стенка» под красное дерево, занимала мать Стаса, в маленькой комнате жил Стас, и ему, судя по всему, вполне хватало четырнадцати квадратных метров чистой жилплощади. Полутораспальный диван-кровать, упакованный современной электроникой компьютерный стол в углу комнаты, шкаф-купе в два зеркала, новенький телевизор с плоским экраном и два небольших кресла подле журнального столика. Как говорится, ничего лишнего, и в то же время – все, чтобы не испытывать каких-либо неудобств.

Стандартное жилье стандартного москвича среднего пошиба, который еще не покинул отеческого гнезда. В этой комнате мог бы неплохо жить студент любого из столичных вузов, и все-таки несколько предметов в этой комнате могли принадлежать только Станиславу Крупенину.

Изрядно потертые перчатки для кик-боксинга, висевшие на стене не понта ради, и десятка три самых различных кубков, с гравировками и без, которые мирно пылились на подвесных, незастекленных полках.

Для полной информации, которая могла бы раскрыть характер хозяина этой комнаты, не хватало только нескольких спортивных снарядов да «груши», подвешенной к потолку, однако все это уже давно переселилось в просторную кухню, где не было привычного «уголка», зато на его почетном месте стоял дорогостоящий тренажер, поистершаяся эмаль на котором говорила о том, что насилуют его довольно часто, до обильного пота, по два-три часа кряду.

Тренажер, который десять лет тому назад приобрел для себя бывший спецназовец Главного разведуправления Министерства обороны России Всеволод Михайлович Голованов, на фоне этого тренажера мог бы смотреться таким холеным барином.

«М-да, – хмыкнул Голованов, останавливаясь в дверном проеме, который вел на кухню, – для сына Крупениных спорт был не ради спорта. Он был образом его жизни, причем жизни повседневной, где уже нет места для наркоты и загульной жизни. Это несовместимо. Он хорошо знал таких парней по своей прежней службе, как знал и то, что именно они чаще всего оказывались в зоне риска».

Мать Стаса, еще довольно красивая, но уже увядающая шатенка, лет сорока пяти, что-то рассказывала Турецкой, однако заметив на порожке Голованова, поднялась из-за стола и кивком предложила ему чашечку чая.

– Спасибо, не откажусь, – поблагодарил ее Голованов, усаживаясь на свободный стул.

– Вам как, покрепче или так себе?

– Пожалуй, покрепче.

– Вот и Стасик так же любит, – с каким-то надрывом в голосе произнесла Анна Семеновна. – Чтобы покрепче, сахарку побольше да с лимончиком. А чай он сам всегда заваривал, мне не доверял.

Она поставила перед Головановым чашечку от сервиза и как-то очень грустно улыбнулась.

– Когда я пыталась сама заварить, тут же перехватывал у меня заварной чайничек и говорил, что не царское это дело – чай заваривать. Мое, мол, дело – пироги да плюшки на стол подавать.

Голованов покосился на Ирину Генриховну и согласно кивнул. Да, мол, не царское. Однако думал он сейчас совершенно о другом. Если до этого момента он еще колебался в оценке чисто человеческих и сыновних качествах Стаса Крупенина, то после этих слов он мог уже точно сказать, что с этим парнем случилось что-то очень серьезное, если он даже матери не может позвонить и сказать, где он и что с ним. По крайней мере, не загулял в развеселой компании, да и в город другой не умчался из-за какой-нибудь смазливой бабенки, без которой, как могло ему показаться, он уже не умел бы и дня прожить.

И еще он подумал о том, что именно этого матери Стаса знать не положено, пусть думает все что угодно, но только не заикливается на самом страшном.

Даже несмотря на то, что чай на этот раз заваривала хозяйка квартиры, получился он весьма приятным, и Голованов, не успевший перекусить в «Глории», не отказался и от бутерброда с колбасой, попросив при этом повторить чашечку чая.

– Всеволод Михайлович! – попыталась было шутливо усовестить его Ирина Генриховна, однако Анна Семеновна только замахала на нее руками.

– Да о чем вы говорите! Мне же очень приятно. И Стасик меньше двух чашек не пьет.

Голованов обратил внимание, что она говорит о сыне в настоящем времени, и мысленно попросил Бога, чтобы именно так все и было. Жив парень! Хотя, возможно, и попал в серьезную передрагу. Оттого и матери своей не может сообщить.

Знать бы только, что именно могло с ним случиться!

Расправившись с бутербродом, Голованов кивком поблагодарил хозяйку дома и тут же задал вопрос, который уже давно вертелся на языке:

– Скажите, а ваш сын продолжает заниматься борьбой? Или все это так, для общего развития?

И он кивнул на тренажер, который явно не вписывался в кухонную мебель.

– Господи, да о чем вы говорите? – искренне возмутилась Анна Семеновна, будто гость обидел ее лично и сына своими словами. – Общее развитие... Какое там «общее развитие»? Он ведь еще когда в школе учился, без своего самбо жить не мог. И до армии выступал на первенстве России.

– И довольно часто побеждал, – подыграл Голованов, чтобы разговорить мать Стаса, которая то вдруг сжималась в своем горе, то начинала вспоминать детские и школьные годы сына. – Те кубки, что стоят в его комнате...

– Да, – улыбнулась Анна Семеновна, – и на первенстве Москвы призы брал, и когда за Россию выступал то же. И даже, помню, признался как-то, он тогда в десятом классе учился, что обязательно станет чемпионом России.

– И что же помешало?

– Травма, – вздохнула Анна Семеновна. – Двойной перелом левой руки.

– И что... спортивная карьера закончилась?

– Да как вам сказать?... Стасик уже понимал, что профессиональный спорт для него закрыт, но продолжал упорно тренироваться, разрабатывая левую руку. Ну, а потом... потом армия, причем сам напросился в морскую пехоту и даже в Чечне около полугода повоевал. А потом демобилизация, экзамены в институт и... и все эти неприятности с дракой в кафе.

Она замолчала, сглотнула подступивший к горлу комок, и видно было, насколько ей трудно вспоминать все то, что случилось три года назад. Наконец все-таки справилась со своим состоянием и уже совершенно потухшим голосом закончила:

– Так что вопрос о какой-то спортивной карьере отпал сам по себе.

– Что, настолько все было серьезно? – спросила Ирина Генриховна, припоминая рассказ отца Стаса.

– Ну, это с какой стороны посмотреть, – угрюмо произнесла Анна Семеновна и на ее лице застыла вымученная скептическая ухмылка. – С самого начала было ясно, что виноваты те

шестеро парней из Азербайджана, которые уже были в хорошем подпитии, да и ножи достали они, а не друзья Стасика. Однако адвокат этих парней и подкупленный ими следователь дело повернули так, будто драка возникла на почве антагонизма русских с азербайджанцами.

– То есть, на почве национализма и шовинизма?

– Да, – кивком подтвердила Анна Семеновна. – Сейчас каждый обиженный хам прикрывается этим, ну, и как итог...

– Отец Стаса помог?

И снова угрюмый кивок.

– Да, я вынуждена была обратиться к мужу, потому что «мировая», предложенная адвокатом, стоила больших денег, а таковых при моей зарплате у нас с сыном не было. – Она снова сглотнула подступивший к горлу комок и негромко добавила: – И каким бы он ни был, отец Стасика, мы очень благодарны ему. Да и теперь вот... К кому бы я еще обратилась за помощью, как не к нему?

Анна Семеновна уткнулась глазами в тарелочку с бутербродами и также негромко произнесла:

– Ну, а что касается спорта... Уже после зимней сессии, когда Стасик учился на первом курсе, он стал подрабатывать тренером в каком-то частном спортивном клубе, где начал восстанавливаться и сам.

– Самбо?

– Нет, самбо это в прошлом. Рукопашный бой. В общем то, чему их учили в морской пехоте.

– Вечерами тренировал?

– Да, два вечера по будням, с семи до девяти, и по три часа в субботу и воскресенье.

Голованов уважительно кивнул, а Ирина Генри-ховна не могла не спросить, мысленно представив, как бы училась ее Нинка, вытаскивая на своих плечах столь нелегкий дополнительный груз:

– И что, серьезная помощь в семейном бюджете?

– О чем вы говорите! – возмутилась Анна Семеновна. – Более чем серьезная. Стасик даже машину смог купить.

«Даже так?» – мысленно удивился Голованов, который в свое время также пытался подрабатывать тренером по рукопашному бою в частном закрытом клубе. Однако на те гроши, которые платили ему лично как тренеру-«вечернику», ни машину не купишь, ни...

– «Жигули»? – спросил он.

– Почему «Жигули»? – обиделась за сына мать Стаса. – Вполне приличный «Опель».

Голованов невольно покосился на тренажер.

«Вполне приличный „Опель“, этот тренажер, явно недешевый компьютер в комнате Стаса и новенькая электроника, которую он приобрел явно на свои деньги... М-да, на зарплату тренера даже половины этого добра не купить. К тому же он еще и одевался довольно неплохо, о чем говорил его гардероб, да и в семейный бюджет, видимо, хорошо отстегивал».

М-да, все это, вместе взятое, наводило на определенные размышления.

– Анна Семеновна, а ваш сын, случаем, в коммерческих боях не участвовал?

Хозяйка дома, как на больного, покосилась на детектива, который на первый взгляд производил вполне приятное впечатление. И вдруг такой вопрос. Судя по всему, она была наслышана о коммерческих боях из передач по телевизору, да и большинство низкопробных американских фильмов построены на этом сюжете, и оттого, возможно, видела в коммерческих боях нечто противоправное и антиобщественное, что не вязалось в ее сознании с образом сына.

– О чем вы говорите! – возмутилась она. – У него порой даже у телевизора посидеть времени не хватало.

– Учеба? – подыграл ей Голованов.

– И учеба, и тренировки.

Она замолчала, видимо стараясь понять, с чего бы это был задан вопрос о каких-то коммерческих боях, вздохнула и негромко, будто старалась сама себя убедить в чем-то, произнесла:

– Нет, о своем сыне, слава Богу, ничего плохого сказать не могу. Пьянство, наркотики и дурные компании – все это проходило мимо него стороной.

«Ну, и слава Богу», – мысленно похвалил парня Голованов и тут же задал очередной вопрос:

– Скажите, ваш сын часто пользовался машиной?

– Я бы не сказала, что очень часто, он даже в институт на общественном транспорте ездил, но, скажем, на те же тренировки или на рынок, когда я просила его купить что-нибудь...

– Короче говоря, его «Опель» не стал для него разъездным конем?

– Ну да, не стал, только по делу.

– А в тот вечер, когда он не вернулся домой, ваш Стас был на машине или без нее?

Анна Семеновна поднялась из-за стола, подошла к окну и как-то очень грустно произнесла:

– Вон она, во дворе стоит. Когда Стасик уходил из дома, а это было в субботу, около семи вечера, я еще напомнила ему, чтобы он повнимательней был на дороге, скользко, как раз дождь прошел, а он только засмеялся в ответ да сказал, что на этот раз я могу быть спокойной – в метро аварии не случаются.

– И он не сказал, куда поехал?

Анна Семеновна отрицательно качнула головой.

– Да я и не спрашивала.

Она скорбно замолчала и вдруг улыбнулась какой-то очень нежной улыбкой.

– Понимаете, парень уже взрослый, не пьет, ни курит – и шпынять его постоянными расспросами, куда, мол, пошел да с кем встретился...

«Шпынять... Господи, слово-то какое точное!» – улыбнулся Голованов, соглашаясь с матерью Стаса.

Они поговорили еще немного, Ирина Генриховна чуть подробнее расспросила о девушке, с которой только-только начал встречаться Стас, и уже перед тем как распрощаться, Голованов вспомнил про записные книжки Стаса.

– Да, у него есть записная книжка, – покосилась на него Анна Семеновна. – Но зачем она вам? Да и что я Стасику скажу, если он вдруг вернется не сегодня-завтра?

– А если не вернется? – жестко спросил Голованов. И увидев, как вскинулась на него распахнутыми глазами мать парня, вынужден был смягчить свой тон: – Анна Семеновна, дорогая, вы и нас правильно поймите. Если завтра объявится ваш сын, мы только порадуетесь этому. А если он ни сегодня, ни завтра вам не позвонит? Ведь уже восьмые сутки пошли, как он ушел из дома. И вы просите его найти. А как же мы его искать будем, если ни его друзей, ни подруг не знаем?

– Да, конечно, я все понимаю, – вроде бы согласилась мать Стаса, и на ее глазах навернулись слезы. – Но вы... вы ее вернете?

– Господи, да куда же она денется? Сниму только ксерокопию и тут же подвезу ее вам.

От подъезда дома, в котором жили мать и сын Крупенины, шли, каждый думая о своем, и только когда сели в «Жигули» Голованова, припаркованные в торце мусоросборника, Ирина Генриховна покосилась краешком глаза на хозяина довольно изношенной тачки и задала вопрос, который кое-кому мог бы показаться и бестактным:

– Сева, а с чего бы вдруг у вас отечественная машина, а у студента-очника «Опель»? К тому же, вполне приличный, как выразилась его мама.

– Потому что я патриот, – буркнул Голованов, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Да и он вроде бы не космополит.

– В таком случае можете считать, что я душой, деньгами и телом поддерживаю отечественный авто-пром.

– Это хорошо, – уголками губ усмехнулась Ирина Генриховна, явно неудовлетворенная ответом. – Ну, а если серьезно?

– Не заработал.

– А этот студент, выходит, заработал? Голованов переключил скорость, повернулся лицом к Ирине.

– Этот Стас не просто студент, он – рукопаш-ник. И, насколько я понял, находится в приличной спортивной форме.

– А как же его рука? Переломы и прочее? Голованов только хмыкнул на это.

– Чепуха! Я знал ребят, которые полностью восстанавливались и с более серьезными травмами. Ну, а если учесть, что наш клиент всего лишь тренер?...

– Да, конечно, – видимо, думая о чем-то своем, пробормотала Ирина Генриховна, и в салоне достойного представителя отечественного автопрома наступила та самая томительная тишина, когда вроде бы и надо перетереть тему, однако она еще не сформировалась полностью в голове, и мысли расползаются, как мухи по клеенке, залитой дешевым портвейном.

Вырулив на Профсоюзную улицу, Голованов довольно удачно вписался в «зеленую волну», которая оборвалась на перекрестке у метро «Академическая», и когда они зависли в небольшой пробке и молчать уже не было сил, он повернулся к Ирине Генриховне.

– Что, мучаетесь вопросом, на какие-такие барыши этот парень приобрел «Опель»?

– И не только «Опель».

– Вот и я хотел бы это знать.

Тут пробка, кажется, полезла из горловины, стадо иномарок и отечественных «Жигулей» медленно потянулось в сторону центра и немного расслабившийся Голованов позволил себе задать вопрос, который мог бы стать отправной точкой в поиске исчезнувшего парня:

– Считаете, что исчезновение Стаса и его благосостояние как-то взаимосвязаны между собой?

Ирина Генриховна чисто по-женски пожала плечиками.

– Не совсем так, конечно, но... Хотя, пожалуй, вы правы. – Она покосилась краешком глаза на Голованова. – Вы ведь тоже так думаете?

Голованов утвердительно кивнул.

– И что, есть какие-нибудь соображения?

Голованов невольно усмехнулся. Подобный вопрос в данной ситуации могла задать только женщина, которой не дано понять, что такое мастер рукопашного боя в нынешней России, вставшей на путь той самой демократии, о которой столь долго талдычили бывшие большевики. И тем более в демократической Москве, где каждый, более-менее обеспеченный, человек ходит или с пистолетом за пазухой или же сопровождаемый шлейфом накачанных мордоворотов.

– Соображений пока что особых нет, зато есть кое-какие предположения, которые требуют самой тщательной проверки. А это – время.

– Предположения насчет источников тех доходов, которые имел Крупенин?

– Не совсем так, – немного подумав, произнес Голованов. – Доходы доходами, но мне хотелось бы знать, ГДЕ он нашел применение своему мастерству, если ему платят столь большие деньги.

– Криминалитет?

Не отрывая глаз от заднего бампера ползущего перед ним «Мерседеса», Голованов вынужден был пожать плечами.

– Не знаю, пока что ничего не могу сказать. Однако не исключаю и криминальный вариант.

Ирина Генриховна утвердительно кивнула и с чисто женской тоской в голосе произнесла:

– Господи, а ведь вполне, кажется, приличный мальчик. И мать его производит хорошее впечатление.

Повидавший за годы работы в «Глории» всякого и разного, Голованов невольно усмехнулся. «Хороший мальчик... студент... спортсмен... скромняга и отличник учебы...». Знала бы ты, дорогая Ирина Генриховна, сколько парней с подобными характеристиками топчут зону за убийство, грабеж, квартирные кражи, изнасилование и прочее, прочее и прочее! Однако раньше времени не хотелось сгущать краски, тем более, что и ему самому был симпатичен бывший морпех, и он попытался хоть как-то скрасить сказанное:

– Криминальный вариант – это не обязательно банда или преступная группировка. С его-то способностями, Стаса могли нанять и в бригаду для выколачивания долгов из кредиторов или каких-то спорных денег.

– Но ведь это все равно банда! Голованов отрицательно качнул головой.

– Не обязательно. Сейчас развелось столько фирм и фирмочек, которые занимаются подобными вопросами, что на них всех мастеров рукопашного боя не хватит. – Помолчал и добавил: – Да и многие коммерческие банки подобными вещами не гребуют. Короче говоря, надо работать.

Оставшуюся дорогу до района Сандуновских бань, где на первом этаже цокольного дома разместился офис «Глории», ехали молча и только перед тем как выходить из машины, Ирина Генриховна негромко произнесла, замешкавшись на пару секунд в салоне головановской «шестерки»:

– Сева, я вас очень прошу, составьте небольшой планчик со своими предложениями.

– Без проблем, – хмыкнул Голованов.

До прихода в агентство жены Турецкого, сотрудники «Глории» даже слова такого не знали, как план. А тут?... Видать, в МУРе нахваталась дамочка, когда проходила практику в убойном отделе после того, как получила диплом юриста-психолога в «Центре эффективных технологий обучения». Впрочем, постарался быть объективным Голованов, может оно и правильно... планы, оперативные совещания и прочая хренотень. Что бы ни говорили в «Глории», как бы ни гундосили, а это дисциплинировало известных разгильдяев. Однако не удержался, чтобы не спросить:

– Может, у вас есть какие-нибудь соображения?

– Девушка Стаса. Все-таки суббота и он не мог в этот вечер не встретиться с ней.

– Но ведь Анна Семеновна...

– Всеволод Михайлович... – укоризненно протянула Ирина Генриховна. – Мне ли вам говорить? Одно дело, позвонила мать парня, с которым встречается эта девушка, и совершенно иной коленкор, когда с ней будет разговаривать солидный частный детектив столь представительного агентства, как «Глория».

– Вы имеете в виду меня?

– Естественно.

– Ира! – взмолился Голованов. – Вы же знаете, я не тот ходок по части женской психологии, чтобы вести подобные собеседования. Могу ведь и напортачить.

– Хорошо, – не смогла скрыть ухмылки Ирина Генриховна, прекрасно осведомленная о личной жизни бывшего спецназовца, который в первый же вечер уложил в постель мать ее бывшего ученика по Гнессинскому училищу да так и остался в ее объятиях. А ведь такой недотрогой казалась та дама. – Хорошо, эту часть я возьму на себя, тем более, что вы и правы, возможно. Еще неизвестно, как преподнесла ей исчезновение Стаса Анна Семеновна, как и о чем спросила, а это все-таки более чем деликатный вопрос.

– Вот и ладушки, – радостно произнес явно успокоенный Голованов. – Как говорится, вы – женщина и она тоже женского полу, вам и карты в руки. Кстати, что мы знаем о ней?

– Да, в общем-то, немного, – пожала плечами Ирина Генриховна. – Таня Савельева, девятнадцать лет. Студентка второго курса Полиграфического института. И... и все, пожалуй.

– М-да, не густо для серьезного разговора, – участливо вздохнул Голованов и тут же предложил: – Может, попытаться нарыть что-нибудь по ней? Чтобы знать, что за птица.

– Зачем? – удивилась Ирина Генриховна. – Забыли, что моей Нинке уже шестнадцатый пошел? И все их проблемы...

Она хотела было сказать, что проблемы подрастающих девушек – это все еще проблемы их матерей, однако вдруг резко оборвала себя на полуслове, как-то внутренне сжалась и чтобы только не встретиться взглядом с Головановым, отвела глаза в сторону. О проблемах семьи Турецких в «Глории» знали, а Всеволод Михайлович Голованов был другом Турецкого.

В салоне «шестерки» зависло молчание, которое нарушил все тот же Голованов. Он откашлялся, словно горло свое прочищал, и негромко спросил:

– Что, у вас действительно настолько все плохо? Господи, лучше бы он не спрашивал этого! Красивое лицо дернулось, Ирина Генриховна

закрыла глаза, и на нем застыла маска боли.

– Хуже некуда, – едва слышно прошептала она, почти не разжимая губ.

В салоне снова зависло тягостное молчание, которое вновь нарушил Голованов:

– Но ведь это... все это дикость! – почти орал он. – Дикость и... и дикость!

– Возможно, – устало вздохнула Ирина Генриховна, – возможно. Но... но я уже ничего поделать с ним не могу.

– Может, мне поговорить?

– Не надо, – качнула она головой. – И все на этом. Идемте. – И чтобы уже окончательно поставить точку: – Кстати, что с Агеевым? Второй день не вижу.

Голованов со скрытой неприязнью покосился на Ирину Генриховну. Оно, конечно, личные проблемы на первом плане, однако неплохо бы знать еще, по каким делам работают сотрудники «Глории».

Глава 3

У каждого детектива есть свои любимые и нелюбимые нюансы в работе. Как говорится, кто-то любит пиво с сушеной воблой, а кое-кто и коньячок с черной икрой. Однако, если иной раз утром не найдется пару стопок коньяка, то можно обойтись и той же водкой с пивом. Се ля ви, как говорят в Жмеринке, мол, наслаждайся тем, что Бог послал, и не ропщи на судьбу.

Филипп Агеев на судьбу не роптал, хотя уже второй день кряду, занимался тем, от чего уже давным-давно отвык – визуальной слежкой предполагаемого... А чего именно «предполагаемого», ему даже Голованов толком разъяснить не смог.

Неделю назад было совершенно нападение на журналиста довольно читаемой московской газетенки, в результате которого мужик оказался в реанимационном отделении Института имени Склифосовского. Пролом затылочной части черепа. Сначала все дружно завопили, что это нападение пахнет политическим заказом, мол, именно подобным образом власть освобождается от неугодных ей журналистов, но оказалось, что все гораздо проще. У Валентина Крайнова была похищена сумка, которую он вечно таскал с собой, и это нападение уже попало в разряд ограблений с причинением... Короче говоря, тридцатилетнего репортера, специализирующегося на «клубничке» и «жареных» темах, сначала ударили чем-то тяжелым по голове, судя по всему кастетом, после чего схватили лежавшую на правом переднем сиденье сумку и грабитель, решивший, видимо, поживиться за счет известного корреспондента, скрылся вместе со своей добычей в неизвестном направлении.

А вскоре был задержан и преступник, оказавшийся простым московским наркоманом, решившимся на грабеж вовсе не из-за того, что он недолголюбивал «желтую» прессу, – как удалось выяснить, он вообще газет не читал, а если и просматривал их, то только сидя на толчке, – а потому решил, что из-за страшной ломки ему в срочном порядке нужен был «косячок», а денег на этот косячок не было.

Короче говоря, старая как мир трагедия восемнадцатилетнего наркомана и его жертвы, на месте которой мог оказаться любой из москвичей.

С парнем начал работать милицейский дознаватель, расколовший его на «чистуху», то есть чистосердечное признание, и вот здесь началось самое интересное. Когда родители Сереги Цветкова – так звали наркомана, не веря в то, что их сынок-доходяга мог совершить подобное ограбление, обратились за помощью к адвокату, их просто-напросто предупредили по телефону, что если они «не прекратят копать под журналиста, то ихнему сынуле придется корячиться не три года, а весь червонец».

Мать Цветкова, с которой говорил «доброжелатель», вернее, доброжелательница, клялась и божилась, что узнала характерный голос жены Крайнова, с которой она уже разговаривала, умоляя ее пощадить «непутевого».

В «Глорию» родителей Цветкова привел давнишний клиент агентства, сказав при этом, что если здесь не помогут, значит, уже никто не поможет. После такой оценки деятельности агентства сотрудникам «Глории» только и оставалось, что засучить рукава да взяться за поиск истины. А истина, как известно, в вине.

«Засучивать рукава» было поручено Агееву, который на этот момент был занят менее всего, и уже первые шаги дали свои результаты. Во-первых, ему удалось выяснить, что «чистуха», якобы написанная Цветковым, не вяжется с результатами следственного эксперимента, на который дважды вывозили парня, а во-вторых...

Исключив из вариантов нападения на Крайнова версию примитивного ограбления с целью наживы, Агеев решил присмотреться к жене Крайнова, и когда сел ей на хвост, то вдруг обратил внимание на то, что и за ним, голубем, ведется слежка. Правда он еще не знал, чем

конкретно она вызвана. Теми делами, которые уже были в его разработке, или все-таки последним делом, столь непонятным и запутанным.

Вот и сейчас...

Едва он отъехал от подъезда дома, в котором жили Крайновы, как заметил, что за ним опять увязался хвост. Вернее, поначалу даже не заметил, а каким-то шестым чувством, выработанным за те годы, что он провел в горячих точках и в том же Афгане, Агеев вдруг почувствовал довольно мерзкое ощущение наползающей опасности. Еще не проявившись как следует, она уже давила на его психику, взрываясь в голове звоном колокольчиков, и он уже более пристально всмотрелся в зеркальце заднего обзора.

– Совсем оборзели.

Если вчера за ним тащился приземистый «БМВ» темно-синего окраса, то на этот раз это уже были грязно-серые «Жигули» шестой модели, которые он засек еще на первом перекрестке. Хотя, впрочем, это могло быть и чистой воды совпадением маршрутов. Мало ли отечественных «жигулят» и развалюх-иномарок тащится по Севастопольскому проспекту к центру города, чтобы обращать на каждую развалюху внимание? Но если это – наружка, то машины меняют не к добру.

Подумав так, Агеев невольно хмыкнул, понимая, что успокаивает себя и снова всмотрелся в зеркальце заднего обзора. «Шестерка» словно прилепилась к нему, грамотно выдерживая оптимальную для «хвоста» дистанцию: через две машины третья.

В общем-то, ему было глубоко наплевать, тащится за ним хвост или нет, однако теперь он уже сам превращался из охотника в зверя, на которого расставляют силки, и это Агеева уже не могло не волновать. Судя по всему, он вторгся в какое-то криминальное поле, о чем, вероятно, еще и не догадывается, и его теперь «ведут» точно так же, как он сам «водит» своих клиентов.

– Ну-ну, – пробормотал Агеев, чувствуя, как его начинает заполнять спортивная злость, и все-таки его все еще на отпускало ощущение ирреальности происходящего.

Бывало, конечно, что за ним охотились и раньше, но настолько нагло...

А выдавшая виды «шестерка» продолжала идти в кильватере «жигуленка» Агеева, то отпуская его от себя до пяти промежуточных машин, то, словно испугавшись, что клиент этак может и раствориться в автомобильном потоке, делала несколько слаломных финтов, ужимая дистанцию до трех, а то и до двух корпусов.

Когда расстояние между ними сокращалось до минимума, можно было рассмотреть хозяйина «шестерки». Рыжеволосый парень, не старше двадцати двух – двадцати пяти лет. Вот только передний номер никак не удавалось рассмотреть. Он был настолько забит въевшейся в него грязью, что с трудом различались две цифры: 97.

– Козел! – выругался Агеев, уходя в образовавшийся промежуток между машинами резко вперед, и когда притормозил у светофора на перекрестке с Нахимовским проспектом, потянулся за мобильником, который всегда лежал под рукой.

Набрал номер Голованова.

– Сева? Слушай, здесь такая хренотень...

Уже трогаясь с места и снова всматриваясь в зеркальце заднего обзора, он вкратце рассказал о создавшейся ситуации, на что Голованов только хмыкнул, и тогда Агеев спросил:

– А может, того... поучить маленько мальчишечку? Чтобы впредь неповадно было?

– Исключено! – осадил его порыв более уравновешенный Голованов. – Во-первых, мы не знаем, кто это, а во-вторых...

– А хрен ли здесь гадать? – огрызнулся Агеев, обиженный слишком категоричным «исключено». – Я даже не сомневаюсь, что вся эта хренотень на нашем журналисте завязана. Они меня от его дома пасут. Видать, еще вчера засекли. Только вчера «бумер» был.

– В таком случае, вдвойне исключено.

– Чего так?

– Мать этого парня, Цветкова, только что разговаривала с Ириной, просила тормознуть это дело. Мол, дали нового следователя и тот будто бы обещал разобраться с ее сыном. Так что...

– Так бы и говорил, – буркнул явно, недовольный Агеев. – Так мне что, возвращаться в «Глорию»?

– Считай, что угадал. Здесь еще одно дельце наклеивается, думаю, заинтересуешься.

– Что, опять следить за кем-нибудь?

– Да нет, на этот раз мокруха.

– Это уже кое-что, – повеселел Агеев. И тут же: – Может, по пути в магазин завернуть? Говорят, будто водку свежую с «Кристалла» завезли.

Голованов только крикнул на это.

Антон Плетнев узнавал и не узнавал сам себя. Вместо привычной «джинсы», новенький, с иголки костюм, в коих, видимо, и положено ходить руководителям службы безопасности таких внушительных фирм, как фирма Шумилова, модная по нынешним временам стрижка, удобные, под цвет костюма кожаные туфли. Короче говоря, хоть сейчас замуж девку отдавай. Судя по всему, он нравился в своем новом амплуа не только самому себе, но и «хозяину», из кабинета которого он вышел час назад, и теперь надо было оправдывать «аванс», выданный относительно его мыслительных возможностей как детектива Турецким. Единственное, о чем он попросил Шумилова, когда тот рассказал ему суть проблемы, так это не представлять его сотрудникам фирмы, дабы не вызывать лишних разговоров и кривотолков.

«Выходит, сами решили с людьми познакомиться?» – уточнил Шумилов.

«Да. Думаю, что так будет лучше».

Правда, попросил Шумилова, чтобы его провели в хранилище лаборатории, откуда и была украдена «Клюква». Господи, название-то какое идиотское:

«Да, конечно, – закивал головой Шумилов. – Гоша вас и проводит. Лаборант мой. Он в курсе всех событий».

...Плетнев еще раз взглянул на окно, в которое уже вставили новое стекло, провел рукой по раме. Все вроде бы надежно и даже подключена сигнализация, однако за окном – улица, по которой снуют машины, а это уже информация для размышления.

Подал голос стоявший позади него Гоша:

– Вот... вот здесь. Через это окно преступник и убежал. Мы с Модестом выскочили, а он...

– Модест, это кто?

– Охранник. Ну-у, с которым мы на посту... – замялся Гоша. – А я...

– Понимаю. Георгий Сметанин, лаборант. И поэтому вопрос: что вы делали на посту охранника?

– Да как вам сказать, – не очень-то уверенно произнес Гоша, – он часто просит меня с ним посидеть... Скучно ночами.

– Он сейчас здесь?

– Нет, застывает завтра.

– Ладно, оставим этот вопрос и вернемся к нашим баранам. Вы видели того, кто прыгнул в окно?

– Да, видел... то есть, только в мониторе.

– И как он выглядел?

– Ну-у, в черном весь... а на голове капюшон. «Не много», – сам про себя отметил Плетнев,

пожирая глазами парня. Тот, видимо, понял этот взгляд по-своему, и тут же заспешил с дальнейшим рассказом:

– Да, в черном весь. Ну, когда мы с Модестом сюда прибежали, то почти одновременно с нами, только через другую дверь, сюда вбежал и Савин. Мы даже испугались немного. А еще секунд через двадцать появились сначала Кокин Николай Александрович, а потом и Ясенов, академик.

– Выходит, пятеро? – подытожил Плетнев. – И что же вы все делали в лаборатории в столь поздний час?

– Работали! – уже более уверенно произнес Гоша. Здесь все работают на совесть, а я порой даже ночью здесь. Когда на электричку опаздываю.

– М-да, это хорошо, что на совесть, – задумчиво произнес Плетнев, подбирая с пола окурки. – Здесь что, курят?

Гоша отрицательно качнул головой.

– Запрещено. Курят двумя этажами выше.

– А откуда же этот окурки?

– Не знаю, – пожал плечами Гоша. – Но в ту ночь, когда... В общем, здесь целая куча окурков валялась... вперемешку с битым стеклом...

В этот же день Плетневу удалось поговорить накоротке с академиком Ясеновым и даже стать невольным свидетелем словесной перепалки двух ведущих сотрудников фирмы: Кокина и Савина. С Турецким он договорился, что будет звонить ему каждый вечер, однако перед тем, как сделать телефонный звонок, он еще раз просмотрел свои записи, которые могли бы представлять собой довольно интересный материал для профессионального следователя.

...На тот момент он задержался на секунду перед дверью лаборатории, как вдруг услышал довольно возбужденные мужские голоса:

«...и потом, ваши бесконечные намеки. Я же вижу, как вы смотрите на меня, как высокомерно мне улыбаетесь. Вы считаете меня неудачником, а между тем...»

«Послушайте, Кокин, ваша подозрительность может сравниться только с моим терпением. Вы пришли мешать мне работать?»

«Я?! Да как вы!.. К тому же вы все время забываете о том, что я старший научный сотрудник, а вы, Савин, – младший, и вам следует...»

«Мы не в армии, Кокин. И потом вы не научный сотрудник, а просто клещ, присосавшийся к Ясенову».

«В таком случае, Савин, признайтесь наконец-то, почему вы, гений вы наш, вернулись в Россию. Вас что, выгнали из Франции? Взашей?»

«Ах, Кокин, Кокин, тип зловерный! Я же вас не спрашиваю, с чего бы это вы оказались в ту ночь в лаборатории в халате наизнанку, тогда как за пять часов до этого вы ушли домой... Извините».

«Ну, С-савин, вы еще пожалеете...»

Далее стоять под дверью было просто неудобно, его могли заметить, и он вошел в лабораторию, в тот самый момент, когда через вторую дверь буквально выскочил Кокин, а Савин левой рукой, нервничая, пытался достать сигарету. Правая рука была перевязана, о чем тут же спросил Плетнев.

«Я обжегся... от неожиданности. Когда услышал сигнализацию. О колбу с азотом... Есть еще вопросы?»

Вопросы у Плетнева были, но к Кокину. Точнее говоря, один вопрос: «Что он делал в лаборатории в три часа ночи, тогда как ушел домой в половине одиннадцатого?» Однако ответ на этот вопрос он решил оставить на потом, догадываясь, что Савин, как один из ведущих сотрудников фирмы, мог выложить не менее сотни вариантов ответа на этот вопрос.

Турецкий будто ждал этого звонка, а может быть и не этого. Однако как бы там ни было, но трубку поднял сразу. Вкратце пересказав все то, что он успел сделать на фирме за этот день, Плетнев замолчал, ожидая целую серию вопросов, однако Турецкий не торопился.

– Ну и каковы твои выводы? – голосом уставшего до чертиков человека спросил он.

– Ну-у, насчет выводов, положим, еще рановато говорить, а вот насчет странностей, которые невозможно не заметить...

– А если без общих слов и более конкретно? – В голосе Турецкого послышались металлические нотки, чего за ним никогда ранее не замечалось, однако Плетнев свел это к элементарной усталости.

– Более конкретно?... Во-первых, это какой-то змеепитомник, а не компания единомышленников, как хотел бы представить Шумилов, а во-вторых... Свидетели ведут себя более чем странно, да и в здание просто так не зайдешь. С улицы не влезешь, так как все окна под сигнализацией, к тому же строжайшая пропускная система и пятиметровый забор, тоже под сигнализацией. А преступник...

– Кто в это время находился на фирме?

Эти четверо в лаборатории, уборщица, охрана да еще Глеб Шумилов, вице-президент, двоюродный брат Хозяина.

– И замок, говоришь, не взломан?

– Открыт ключом. Причем ключи от хранилища были только у самого Шумилова да еще у академика Ясенева. И ключи у них не пропадали.

– Хренотень какая-то! – выругался Турецкий.

– Вот и я о том же, – отозвался Плетнев. – Так что, свидетелей ограбления пора переводить в ранг подозреваемых.

– Вот это мы всегда успеем сделать, – осадил его Турецкий. – Кстати, ты проверил машины, «которые въезжали на территорию склада в тот день»?

– Не успел еще.

Турецкий хотел было съязвить, что именно это надо было сделать в первую очередь, но все-таки сумел сдержать себя.

Глава 4

Таня Савельева оказалась довольно смышленной девицей, и когда Ирина Генриховна сказала ей, что хотела бы поговорить с ней относительно Стаса Кру-пенина, поиском которого уже всерьез занялись его родители, Таня не стала ни охать, ни стонать и только спросила, с чего бы вдруг агентство «Глория» заинтересовалось ее скромной персоной? Ведь она встречалась со Стасом всего ничего, к тому же ей уже звонила мать Стаса и сказала ей, что знать ничего не знает про ее сына, и это его исчезновение тоже непонятно и обидное для нее лично...

– И все-таки, Таня, я хотела бы переговорить с вами о нем, – уже более настойчиво попросила Ирина Генриховна. – Понимаете, пропал, будто в воду канул, совершенно взрослый человек, причем, не забулдыга какой-нибудь, и любая информация о нем, возможно, даже совершенно пустяшная на первый взгляд, может помочь в поиске человека.

– Что, настолько все серьезно? – уже совершенно иным тоном спросила Таня. – Я... я поначалу даже подумала, что он просто... ну-у, просто загулял у какой-нибудь женщины.

«Если бы», – мысленно вздохнула Ирина Генриховна, однако ситуация требовала максимальной корректности, и она негромко произнесла:

– Таня, дорогая, я сама мать довольно взрослой дочери, и можете поверить мне, что очень даже серьезно.

– Господи! А я-то, дура... – В голосе Татьяны уже звучала откровенная тревога. – Но где бы мы могли поговорить? И когда?

– Ну, сегодня, думаю, уже поздно, а вот завтра... У вас занятия кончаются во сколько?

– Около двух, но в половине третьего я уже совершенно точно буду свободна.

– В таком случае, без четверти три у метро «Новослободская». Вас это устраивает?

– Вполне.

– Тогда буду ждать вас в машине. «Рено» красного цвета. Заодно и кофейку попьем в какой-нибудь кафешке. Вы не против?

– Хорошо, – согласилась Таня.

Есть люди, которые сразу же вызывают чисто внутреннее доверие, и Ирина Генриховна ни сколько не удивилась, что Стас Крупенин, о котором у нее уже сложилось определенное мнение, сразу же запал на Савельеву.

Высокая, стройная блондинка с роскошными волосами, которые мягко ложились на ее плечи, она поражала своими глазами, через которые выплескивалась вся ее душа. И в то же время они не были распахнутыми глазами простодушной идиотки, восхищенно взиравшей на мир. Женщины с такими глазами словно созданы для того, чтобы быть прекрасными женами, но вот же парадокс: в силу каких-то необъяснимых причин за ними начинают увиваться в высшей степени отвратительные подлецы и эгоисты, и чаще всего случается так, что именно такие женщины и пополняют собой несметные ряды самых несчастных жен.

Думая обо всем этом, Ирина Генриховна в то же время приглядывалась к Савельевой, и когда официант принес, наконец-то, два кофе с бутербродами и пирожными, у нее уже сложилось о Татьяне определенное мнение. И оно в течение разговора вроде бы оправдывалось.

Как призналась Таня, она не ела с самого утра, и когда было покончено с бутербродами, Ирина Генриховна ненавязчиво предложила:

– Может быть, еще по парочке? Не стесняйтесь.

– Нет, спасибо, – мягко улыбнулась Таня, – червячка заморила. Но вот если бы еще чашечку кофе...

– Да ради бога!

Когда Ирина Генриховна заказала еще по чашечке кофе, Таня откашлялась и как-то очень мягко произнесла:

– Мы же хотели о Стасике поговорить. А сами...

– Да, конечно, – спохватилась Ирина Генриховна. Она вдруг поймала себя на мысли, что ей просто приятно общаться с этой девушкой, которую она до этой встречи и знать-то не знала, угощать ее кофе, подкладывать на ее тарелочку бутерброды с ветчиной и пирожные. – Расскажи, пожалуйста, как вы познакомились, где и... да и вообще все, что ты знаешь об этом парне.

– Где познакомились? – эхом отозвалась Таня. – Да, в общем-то, прозаично познакомились, на дискотеке. Я как раз со своим молодым человеком серьезно поссорилась, настроение было тоскливое, и моя подруга уговорила меня пойти с ней на дискотеку. И вот там-то я и познакомилась со Стасом. Оказывается, он тоже первый раз пришел туда, и как мне показалось, тоже не очень-то уютно чувствовал себя в этом бедламе. Скачки, все мокрые от пота, да и музыка бьет по ушам – ничего хорошего.

– И?...

– И мы ушли. Стас пригласил меня с подругой посидеть в каком-нибудь приятном ресторанчике, однако Ольга отказалась, и мы ушли вдвоем.

– Даже так? – удивилась Ирина Генриховна щедрости студента. Даже если учесть тот фактор, что он с первого взгляда влюбился по уши в Татьяну, и то подобный размах, поистине купеческий, как-то не вязался со студенческой реальностью. И она не могла не спросить: – А что, Стас был настолько кредитоспособен, что мог совершенно свободно двух незнакомых девушек в «приятный ресторанчик» пригласить?

– Ну-у, я не знаю, конечно, о его кредитоспособности, но в деньгах Стас был совершенно свободен. И когда покупал мне розы, то никогда не спрашивал, сколько они стоят.

– М-да, это, конечно, приятно, – вздохнула Ирина Генриховна и тут же спросила: – А ты не спрашивала, откуда у него такие деньги. Все-таки студент, и на стипендию розы не купишь.

– Само собой, – улыбнулась Татьяна. – Но Стасик ведь еще и подрабатывал в спортзале. И как он мне признался однажды, за это неплохо платят.

«Однако не настолько, чтобы свободно распоряжаться деньгами и покупать дорогие иномарки», – сама для себя заключила Ирина Генриховна, однако вслух спросила:

– Стас тренировал только вечерами?

– Нет, не только. Еще по субботам и воскресеньям, по три часа в день.

– В какое время?

– С десяти утра до часу дня или же с двух до пяти.

– А вечерами, после тренировок, вы встречались?

– Да, конечно. Стас ехал домой, чтобы привести себя в порядок, и где-нибудь часов в восемь вечера...

– Вы заранее договаривались о встрече?

– Нет. Обычно Стас звонил мне около шести вечера и мы уже точно договаривались с ним, где встречаемся и куда пойдем.

– А в тот день, когда он исчез?

Татьяна задумалась и видимо чисто машинально надкусила кусочек пирожного.

– В тот день?... В тот день он работал в спортзале утром и должен был перезвонить мне, как обычно, вечером. Но он позвонил в начале пятого и сказал, что у него возникли кое-какие проблемы со временем и мы не сможем встретиться. Я еще спросила его, может, помочь чем, но он на это только засмеялся и сказал, что обязательно позвонит мне на следующий день.

– И он позвонил?

– Нет, так и не позвонил мне. Ни в понедельник, ни во вторник.

– И ты...

– Я, конечно, поначалу даже обиделась на него, но потом решила сама позвонить ему, однако его мобильник не отвечал.

– И ты заволновалась?

– Да. И позвонила вечером по его домашнему телефону. И вот тогда-то его мама и сказала мне, что уже три дня прошло, как Стас не появляется дома. И еще спросила, не знаю ли я, где он может пропадать?

– И?...

– А что я могла ответить? Сказала, что не знаю, и попросила ее, чтобы Стас сразу же перезвонил мне по мобильнику, как только объявится дома.

– Звонков, естественно, больше не было? Татьяна отрицательно качнула головой.

Какое-то время они сидели молча и только когда официант принес счет и еще по чашечке кофе, Ирина Генриховна, понимая внутреннее состояние девушки, позволила себе задать вопрос, который мог бы многое объяснить в поведении Стаса Крупенина:

– Танечка, дорогая, прости меня, ради Бога, но не могу не спросить...

Она замялась было, однако ей помогла сама Татьяна:

– Вы хотите спросить, были ли мы близки со Ста-сом?

– Да.

Татьяна покосилась на женщину, которой вдруг почему-то доверилась, обхватила чашечку своими тонкими, красивыми пальцами, будто согреться хотела теплом кофе, и уже не глядя на Ирину Генриховну утвердительно кивнула.

– Вы любили его?

И вновь утвердительный кивок. Потом она отхлебнула глоток кофе и с какой-то тоской в голосе произнесла:

– Когда у нас это... случилось, Стасик сказал, что хотел бы видеть меня своей женой, но я...

Она замолчала и только после очередного глотка кофе закончила свою мысль:

– Дура, конечно, полная дура! Но я сказала ему, что это слишком серьезный шаг, мы, мол, оба еще учимся, и как-то все это воспримут наши родители?...

– И вам, что... действительно было важным мнение родителей? – откровенно удивилась Ирина Генриховна, перескакивая мысленно на свою дочь, которая в какой-то раскрепосный, а может быть и несчастный день...

– Да как вам сказать? – глухо отозвалась Татьяна. – Важно, конечно, я и маму свою, и отца очень люблю и уважаю, и не хотела бы, чтобы эту новость они восприняли в штыки, но... – Она замялась и все тем же отрешенным голосом произнесла: – Но даже не это главное, пожалуй.

– А что?

Татьяна как-то исподволь покосилась на свою собеседницу, словно решая, стоит ли ей выкладываться до конца, потом, видимо, решила, что сказавши «А», надо говорить и «Б», и снова отпила крошечный глоток кофе.

– Видите ли, еще до Стаса я довольно долго встречалась с одним человеком, но...

– Но он оказался далеко не тем, каким себя преподносил, и как раз в этот момент ты встретила Стаса.

Глаза Татьяны округлились и она удивленно уставилась на Ирину Генриховну.

– А вы... вы откуда знаете?

– Просто предположила, – мягко улыбнувшись, развела руками Ирина Генриховна. – Стандартная и, в общем-то, довольно банальная ситуация, с которой далеко не каждому удастся справиться самостоятельно.

– Да, конечно, – чуть подумав, согласилась с ней Татьяна и угрюмо добавила: – Стандартная, да только я, дуреха, не смогла в ней разобраться.

– Зачем же так себя обижать? – посочувствовала ей Ирина Генриховна. – Уже одно то, что вы вовремя разобрались в том человеке, говорит о многом.

– Если бы вовремя... – вздохнула Таня. – Дурой была, набитой дурой, и у нас с ним слишком все далеко зашло.

– Что, не желал отпускать вас?

– Хуже, – вздохнула Таня. – Он стал буквально преследовать меня, когда я сказала ему, что знать его больше не хочу, и... и вообще полюбила другого человека.

Вспоминая эти, неприятные для нее моменты, Таня оживилась, ее глаза сухо заблестели.

– А он уже знал, что вы встречаетесь со Стасом?

– Да, знал. Хотя поначалу только предполагать мог, что у меня появился друг.

Она так и сказала – «друг», и это давно забытое слово более всего поразило Ирину Генриховну.

– И... и что этот ваш мужчина?

– Да, в общем-то, ничего, – видимо, вновь возвращаясь в недавнее прошлое, потускневшим голосом отозвалась Татьяна: – Он позвонил мне примерно с месяц назад, сказал, что знает, на кого я его променяла, обозвал идиоткой, и сказал, что я, мол, еще пожалею сотни раз, что сделала подобный выбор.

– Он что, выследил вас? Таня пожала плечами.

– Сам он, конечно, до подобного не опустится, возраст не тот, однако он довольно богатый человек, и у него есть возможность нанять людей, чтобы они отследили и меня, и Стаса.

– Бизнесмен, банкир, политик?

– Коммерсант. Причем, довольно удачливый в своих делах.

«Все подлецы и сволочи удачливы в своих делах», – почему-то подумала Ирина Генриховна, однако вслух спросила:

– Ты сказала, что возраст не тот. Ему что, уже за тридцать?

– Тридцать шесть.

«М-да, – хмыкнула Ирина Генриховна, – бывает и такое. Жил-поживал, капитал наживал, а потом вдруг захотелось чего-то большого и чистого».

– И естественно, женат?

Таня кивнула и как-то очень тихо произнесла:

– Да, но я об этом слишком поздно узнала. А когда узнала...

– И заверил тебя, что немедленно разведется.

Этим вопросом Ирина Генриховна, видимо, затронула что-то очень глубинное в душе Татьяны, и на ее лице застыла непроницаемая маска замкнутости. Мол, к чему все эти вопросы и расспросы, тем более что это не касается исчезновения Стаса. Однако чувствовалось, что ей просто необходимо выговориться перед кем-то более старшим и опытным в подобных делах, с матерью, видимо, контакта не было никакого, и она даже попыталась усмехнуться язвительно, сбрасывая с себя маску замкнутости.

– Заверял. Говорил, что разведется и уже жить без меня не может, но...

И она снова застыла в своей непроницаемости, уже на новом витке перемалывая в душе то, что ей даже вспоминать было тошно.

Ирина Генриховна исподволь посматривала на девушку. Сейчас бы самое время извиниться перед ней за то, что полезла в ее душу, допить кофе да закончить на этом разговор, но она почему-то не могла сделать этого. В ней также колыхнулось что-то давно забытое личное, вспомнилось, как она, очертя голову, прижалась грудью к Турецкому, хотя на тот момент он не был ни знатен, ни богат...

«Господи милостивый, да неужто все это ушло в прошлое и уже никогда не вернется?»

Это она подумала про себя, а вслух спросила, стараясь оставаться предельно ненавязчивой:

– Ты не любила его?

Отрицательный кивок, собачье-тоскливое выражение глаз и угрюмо-понурое:

– Я же говорю вам, душой была. У меня до него даже не было никого по-настоящему, а тут... Рестораны и дорогие подарки, крутая иномарка и водила-охранник, который предупредительно распахивает дверцу перед тобой...

– Короче говоря, – хмыкнула Ирина Генриховна, – вскружил девушке голову?

– Да, – уже более мягко улыбнулась Татьяна. – На фоне моих сокурсников Артур казался мне просто сказочным королем и рыцарем без страха и упрека.

– Особенно поначалу, – сочувственно и в то же время понимающе кивнула Ирина Генриховна. – А потом, когда узнала его получше...

– Что, у вас тоже было такое? – оживилась Татьяна.

– Было, – подтвердила Ирина Генриховна. – Пока не встретила настоящего короля.

– Это... это как понимать? – уставилась на нее Татьяна.

– Ну, не в прямом смысле, конечно, – улыбнулась Ирина Генриховна, – а человека, который лично для меня стал королем.

– И?...

– Родила ему дочь и никогда в жизни не пожалела, хотя за те годы, что прожили вместе, было столько всякого разного, что порой даже чуть ли не до развода дела доходили.

Ирина Генриховна замолчала, невольно подумав о том, с чего бы это она переключила разговор на себя, любимую, и как-то очень уж по-женски подвела черту:

– Вот так-то, девочка. А то, что ты своего Артура послала, так это же просто прекрасно. Как говаривал когда-то великий русский драматург господин Островский, не в деньгах счастье. Хотя, должна тебе признаться...

И засмеялись обе.

Вернувшись в «Глорию», Ирина Генриховна застала там Голованова, который играл с Бородатым Максом в шахматы, и вкратце пересказала свой разговор с девушкой Стаса, которую после кафе подвезла до метро. Замолчала, прислушиваясь к молчаливой реакции двух сорокалетних мужиков, и требовательно произнесла:

– Ну?

– Гну! – не очень-то по-джентельменски отозвался Голованов. – Информации как не было, так и нет.

– Однако, не скажи, – возразил ему компьютерный бог, у которого выиграть в шахматы было просто невозможно, и он порой даже фору давал – слона, коня, а иной раз и ферзя. – То, что рассказала эта девчонка...

– Ты имеешь ввиду этого богатенького козла, который запал на молоденькую капустку, то бишь на свежачка?

– Ну! – подтвердил Макс, по привычке запуская свою пятерню в бороду.

– И хочешь сказать, что этот самый Чижевский, осознав, что ему уже не вернуть похорошему эту молоденькую ягодку, и в то же время не в силах перенести свое поражение...

– Ну! – вновь буркнул Макс и, качнув бородой, подтвердил мысль Голованова.

– Исключено! – безапелляционно произнес Голованов, ставя на версии бородатого Макса жирную точку.

– Но почему? – искренне возмутился тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.